

**ИГРА С ЖАНРОМ ЧАСТУШКИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Жанр частушки сформировался в рамках фольклорной традиции довольно поздно — лишь во второй половине XIX в. Этот жанр уже сам по себе имеет игровую основу, принадлежит к смеховой культуре и изначально нацелен на развлечение слушателя. Поэтому сам факт использования данного жанрового стандарта поэтами второй половины XX в. является своего рода

сигналом читателю (слушателю), настраивает его на восприятие комического. Для подобного игрового взаимодействия с адресатом поэты используют как уже существующие фольклорные произведения данного жанра, так и авторские.

Частушка интересна поэтам второй половины XX века прежде всего узнаваемостью формы. А.П. Квятковский называет частушку «самой устойчивой» [4, с. 333] формой народной поэзии; для неё характерно использование четырёхдольника и обязательной рифмы.

Подражание достигается путём не только копирования формы, но и лексической стилизации под просторечие, речь с нарушениями нормы. «Карнавальная установка на жанрово обусловленный диалог с нормой» [6, с. 52] предполагает имитацию диалектных особенностей, в том числе произносительных.

Кроме того, в подражание фольклорному жанру поэты передают мажорный настрой частушек, оптимистический взгляд повествователя на бытовую или социально-политическую ситуацию. Такая мажорность, «лёгкость» жанра подразумевает, что в авторском поэтическом тексте создаётся эффект примитивизации, поверхностности в освещении темы, линейного разрешения проблемы. Частушечному жанру присущ открыто субъективный характер, предельная оценочность. Иллокутивная цель в данном случае заключается в передаче не информации о положении дел, а эмоций адресанта по этому поводу. Здесь открывается широкое пространство для игры: чем сложнее и многоаспектнее проблема, затронутая в авторской частушке, тем ярче контраст между формой и содержанием, ведь частушечное повествование не подразумевает сомнений, глубоких рассуждений, стремится «замкнуть» проблему в шутке, афоризме, диктуя тем самым однозначно оптимистичное отношение к ней.

Как поэтико-музыкальный жанр, частушка наиболее органично используется песенной поэзией. Музыкальная составляющая синтетического песенного жанра делает игру с частушкой ещё более узнаваемой. Кроме того, живое исполнение позволяет использовать экстралингвистические факторы и драматические элементы, такие, например, как смена тембра голоса, имитация просторечных произносительных особенностей. Именно в рамках бардовской песни и рок-песни игра с жанровым стандартом частушки, рассчитанная на непременно и моментальное узнавание, проявляет себя наиболее ярко.

Так Б. Гребенщиков использует известную народную частушку «Меня били колотили...» в песне «212-85-06», включая, впуская таким образом фольклорный код в своё произведение, демонстрируя тем самым, что мелодия его песни созвучна с народной мелодией.

Более активно обращается к жанру частушки В. Высоцкий. Так в песне «Частушки к свадьбе» (1974) бард достигает стилизации за счёт упрощённого синтаксиса, грамматической рифмы, побудительных и вопросительных предложений, междометий:

Не сгрызть меня —
Невеста я!
Эх, жизнь моя
Интересная!

Кружи-ворожи!
Кто стесняется?
Подол придержи —
Подымается! [5]

В песне «Субботник частушки» («Гули-гули-гуленьки...») (1974) В. Высоцкий также подражает диалектной речи, использует просторечия, намеренное нарушение орфоэпической и грамматической нормы, диалектизмы («здесья», «али», «табань», «трёкнутый» и др.), уменьшительно-ласкательные суффиксы («девоньки-девуленьки», «Манечки-матанечки» и др.):

Гули-гули-гуленьки,
Девоньки-девуленьки,
Вы оставьте мне на память,
В сердце загогулилки [5]

В творчестве В. Высоцкого очень силен драматический компонент: исполняя свои песни, он перевоплощается, меняет тембр голоса, стилизует орфоэпические особенности диалектной речи.

В песне «Подходи, народ, смелее...» (1974), написанной для фильма «Иван да Марья», В. Высоцкий использует ярмарочный, скоморошечий зачин:

Подходи, народ, смелее!
Слушай, переспрашивай!
Мы споем про Евстигнея —
Государя нашего [2, с. 343]

В отличие от классических частушек, в этом произведении все строфы связаны единым повествованием и не распадаются на отдельные микросюжеты. Отнести этот песенный текст к жанру частушки позволяет, во-первых, авторское определение жанра, а во-вторых — стихотворный размер и мелодия.

В. Высоцкий использует стилистическую игру, сталкивая в рамках одного произведения сниженную просторечную и жаргонную лексику («балбес», «корёжит», «сплавить» и др.) и газетно-публицистическую лексику и клише («эксплуататор», «бюллетень», «крайне вызывающе»).

В XX в. (в годы революции и гражданской войны, а также в более позднее советское время) происходит развитие социально-политической частушки, которая становится активным средством внедрения пропаганды в массовое сознание. С одной стороны ориентируясь на эти образцы, а с другой — отталкиваясь от них, частушка во второй половине XX века становится жанром политической сатиры. Засчёт своей лаконичности и запоминаемости игра с жанром частушки является мощным средством выражения инакомыслия. По мнению И. В. Тубаловой, в этом жанре выражается «личная

оценка, претендующая на то, чтобы стать оценкой коллективной». Эту особенность частушки используют поэты второй половины XX века.

Так А. Башлачёв в балладу «Ванюша» включает несколько авторских частушек, например:

Хошь в ад, хошь — в рай!
Куда хочешь — выбирай.
Да нету рая, нету ада,
Никуда теперь не надо [1, с. 154].
<...>Мы с душою нынче врозь.
Пережиток, в опчем.
Оторви ее да брось —
Ножками потопчем [1, с. 155].

В этих частушках подчёркивается трагический диссонанс между истинными ценностями и установками советского времени. Усиливает это противоречие использование в рамках народного жанра слов и штампов публицистического стиля («коллектив», «интеллигенты», «пережиток» «дата, подпись и печать», «острота момента», «социальный фактор»). Более того, автор соединяет их с просторечными словами и формами слов («интересовались», «в церкву», «помереть», «нынче», «заместо», «в опчем»). Автор иронизирует над атеизмом и связанным с ним примитивистским, brutальным подходом к метафизическому. Игра с фольклорными кодами направлена на деконструкцию официальной идеологии, уничтожающей в человеке лучшие качества, смещающей ценностную парадигму. Национальная культура воспринимается как оплот духовности, а возврат к ней — как спасение от обезличивания, омассовления, обольванивания.

И.В. Тубалова говорит об «особой анонимности» [6, с. 52] частушки, позволяющей автору-исполнителю дистанцироваться от исполняемого им произведения, будто бы оно является результатом народного творчества. Это даёт автору возможность позиционировать своё мнение как мнение народа.

Тот же эффект «анонимности» использует Вен. Ерофеев. В свою пьесу «Вальпугриева ночь, или шаги Командора» он включает ряд стихотворных фрагментов, некоторые из которых стилизованы под частушки, исполняемые сумасшедшими в палате:

Вот он, вот он, конец света!
Завтра встанем в неглиже,
Встанем-вскочим: свету нету,
Правды нету,
Денег нету,
Ничего святого нету, —
Рейган в Сирии уже! [3, с. 249]

Данный фрагмент по форме приближается к частушке: метрика и способ рифмовки соответствуют жанровому стандарту, но увеличено количество строк. За обычной частушечной «простотой» кроется фактически апокалиптическая проблематика, нарастающая по мере развития сюжета произведения. Лёгкость повествования достигается за счёт синтаксического параллелизма, повторов и внутренних рифм, но лаконичная и лёгкая фраза заключает

в себе чудовищный смысл и отражает ужасающую действительность. Однако игровой характер жанра карнавализует эту констатацию, трагедия превращается в подобие фарса. В заключение пародируется миф о внешней угрозе, что ещё больше абсурдизирует отражаемую реальность.

Такой же карнавальный характер имеют и иронические политические частушки Ю. Шевчука «Путин едет по стране...». Мажорный настрой частушки, усиленный гиперболами, подчёркивает сатирический характер изображения гипертрофированного оптимизма.

Небольшой объём частушки и её эмоциональная насыщенность предполагают высокую концентрацию экспрессивных языковых средств. «Активное тиражирование семантики низа» [6, с. 53], присущее и ранней, и более поздней частушке, не могло не привести к проникновению в неё ненормативных языковых единиц. В жанр классической частушки активно вырастает грубая и табуированная лексика, брутальный, «низовой» эротизм.

Одна из таких непристойных частушек («Шёл я мимо мавзолея...») стала частью рок-песни Егора Летова «Всё идёт по плану». Также непечатные частушки («Кудри вьются, кудри вьются...») включены в уже упоминавшуюся пьесу Вен. Ерофеева.

Объектом интереса в частушке постоянно становится антинорма. В ранних частушках это тема запретной любви, асоциального поведения, непослушания молодёжи, конфликта с мнением старшего поколения. Популярны были боевые хулиганские частушки, позднее — революционная частушка как проявление социального протеста. Попытка «одомашнить» этот жанр, подчинив его социальному заказу, в советской литературе была продиктована необычайной популярностью частушек. Но отсутствие противопоставленности официальным моральным или социально-политическим установкам опустошают частушку. И именно этой противопоставленности, конфликту с нормой жанр обязан интересом со стороны поэтов второй половины XX в. В этот период частушка стала объектом игрового переосмысления с целью стилизации. Её внешняя простота и лаконичность, смеховой характер открывают перед поэтами массу игровых возможностей: позволяют высказать мысль в простой афористичной форме, дать оценку, претендующую на общенародную, анонимную, надеть «маску» народного автора-повествователя, безнаказанно шагнуть на рамки нормы, в том числе использовать табуированную лексику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башлачёв, А. Как по лезвию. — М., 2005.
2. Высоцкий, В. Избранное / Сост. Г. Грибовская. — Минск, 1993.
3. Ерофеев, В.В. Вальпургиева ночь, или шаги Командора / Оставьте мою душу в покое: Почти всё. — М., 1995. — С. 181–257.
4. Квятковский, А.П. Частушка / Поэтический словарь. — М., 1966. — С. 333–338.
5. Песни Владимира Высоцкого [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://v-vissotsky.ru>. — Дата доступа: 22.03.2013.
6. Тубалова, И.В. Современная письменная частушка: новая художественная форма в современной культурной парадигме / Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2011. — № 4. — С. 50–58.